

ХРОНОСЕЙФ

Галлоуэй Гэллегер играл на слух. И это было бы совершенно нормально, выбери он стезю музыканта, но его угораздило стать изобретателем. Пусть сумасбродным, пусть всегда нетрезвым, но, безусловно, толковым. Он хотел заниматься техническими разработками и на этом поприще наверняка добился бы успеха — была в нем, как ни крути, жилка гениальности. А вот чего не было, так это средств, чтобы получить серьезное научное образование. Поэтому Гэллегер, по профессии оператор интегрирующей машины, домашнюю лабораторию держал исключительно развлечения ради.

Ей-богу, более дурацкой лаборатории вы бы не нашли ни в этом штате, ни в пяти-шести соседних. Большую часть помещения занимала штукавина, которую Гэллегер назвал алкогольным органом; на ее сборку он потратил аж полгода. Зато теперь мог блаженствовать на удобном мягком диване, нажимая на клавиши и перекачивая в луженую глотку спиртное превосходного качества — в любом количестве и в завидном разнообразии. А поскольку конструировался этот орган в период продолжительного запоя, Гэллегер так и не смог потом вспомнить основные принципы действия своего изобретения. Печально, что и говорить.

В лаборатории было много всякой всячины, по большей части едва ли здесь уместной. У реостатов имелись юбочки, как у балерин, и нелепо ухмыляющиеся керамические рожицы. На большом генераторе бросалась в глаза табличка «Монстр», а другой генератор, куда меньше размером, довольствовался прозвищем Бурчун. В стеклянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как безделушка оказалась там. Сразу у двери высился чудовищный чугунный пес, по замыслу изготовителя предназначавшийся для викторианских газонов, а может быть, для врат ада. Как бы то ни было, сейчас его полые уши служили гнездами для пробирок.

— Но как же все-таки ты это делаешь? — спросил Вэннинг.

Тощий, долговязый Гэллегер, развалившийся возле алкогольного органа, перекачал себе в рот двойной мартины.

— Чего?

— Ты слышал. Я могу обеспечить тебе прибыльную работенку — при условии, что ты будешь применять с толком свои вывихнутые мозги. Или хотя бы научишься пускать пыль в глаза.

— Я пытался, — пробормотал Гэллегер. — Ничего не выходит. Не могу я работать сосредоточившись... Разве что с механикой какой-нибудь возиться. Должно быть, у моего подсознания коэффициент интеллекта повыше, чем у сознания.

Вэннинг, плотно сбитый коротышка со смуглым, в шрамах, лицом в сердцах ударил Монстра каблуками. Подчас Гэллегер нешуточно его бесил. Никак не возьмет в толк этот рохля, что нельзя закапывать в землю такой ценный талант. Во всяком случае, ценный для Хораса Вэннинга, коммерческого юрисконсульта.

Само собой, эта «коммерция» велась за пределами закона, но усложнившиеся в 1970-х условия торговли все же оставили немало лазеек для мозговитых людей вроде Вэннинга. Да, надо сказать откровенно: свои недюжинные способности он поставил на службу жуликам. Потому что жулики хорошо платили. В те времена прочное знание юриспруденции было редкостью, правовые нормы сплелись в такой тугой клубок, что желающему стать законником требовались годы подготовки еще до поступления на юридический факультет. Но Вэннинг располагал командой опытных экспертов, а также колоссальной библиотекой протоколов, судебных решений и тому подобных сведений, так что за приемлемую плату он бы самого доктора Криппена¹ научил, как выйти сухим из воды.

Теневая сторона этого бизнеса содержалась в сугубой приватности и обходилась без помощников. Взять, к примеру, нейропистолет. Это замечательное оружие соорудил Гэллегер, причем так и не осознал его важности. Просто смастачил однажды вечерком на скорую руку, а детали скреплял лейкопластырем, потому что сломался сварочный аппарат. А Вэннинг выпросил изделие. Владел он нейропистолетом недолго, но выручил тысячи кредитов, сдавая его напрокат потенциальным убийцам. Чем вызвал у полицейского управления сильнейшую головную боль.

Человек осведомленный приходил к Вэннингу и говорил:

— Слышал, ты с мокрым дельцем можешь пособить. Предположим, мне нужно...

— Что-о?! Да за кого вы меня принимаете?

¹ *Харви Криппен* (1862–1910) — фигурант громкого судебного процесса, американский врач-гомеопат и дантист, убивший в Англии свою жену.

— Э-э... Но...

— Теоретически я могу предположить, что идеальное убийство осуществимо. Допустим, изобретен пистолет определенного типа, и допустим — исключительно теоретически, для примера, — что он лежит в камере хранения на Ньюаркском стратодроме.

— Э-э...

— Я просто теоретизирую. Ячейка номер семьдесят девять, комбинация тридцать-синий-восемь. Эти мелкие детали прибавляют наглядности примеру, вы согласны?

— Ты хочешь сказать...

— Разумеется, если наш убийца возьмет из ячейки воображаемый пистолет и воспользуется им, ему хватит ума иметь при себе почтовую коробку с адресом... ну, скажем, Бруклинский порт, ячейка сорок. Убийца упакует пистолет, пойдет к ближайшему почтовому конвейеру и избежит от улики. Но все это, конечно, теоретически. Сожалею, что не смог вам помочь. Гонорар за консультацию — три тысячи кредитов. Секретарша примет ваш чек.

Выдвинуть потом обвинение будет невозможно. Потому что суд округа Иллинойс, приняв решение 87-М по делу «Штат против Дупсона», создал прецедент. Факт насильственной смерти должен быть установлен. Элемент случайности должен быть учтен. К примеру, на суде по делу «Сандерсон против Сандерсон» в защиту женщины, обвинявшейся в убийстве свекрови, прозвучали такие доводы: «Неосомненно, прокурор, располагающий штатом экспертов-токсикологов, обязан это знать... Короче говоря, ваша честь, я со всем уважением требую прекратить этот процесс по причине отсутствия события и состава преступления...»

Гэллегер так и не узнал, что его нейропистолет — не игрушка, а опасное оружие. Зато Вэннинг теперь частенько наведывался в захламленную лабораторию, проявляя живейший интерес к бессознательному изобретательству своего приятеля. Не раз и не два он прибретал удачные плоды творчества Гэллегера.

Проблема заключалась в том, что это творчество нельзя было поставить на поток.

Гэллегер опять глотнул мартини, затем покачал головой и распрямил тощие ноги. Хлопая глазами, подковылял к заваленному разным барахлом верстаку и принялся рассеянно возиться с кусками проводов.

— Что-то конкретное мастерить? — спросил Вэннинг.

— Не-а. Просто балуюсь. Вот так и бывает: соединяешь разные штучки-дрючки, глядишь, оно и заработало. Правда, никогда заранее

не угадать, как оно будет работать. Да ну, к черту! — Гэллегер бросил провода и вернулся на диван.

До чего же странный тип, подумал Вэннинг. Абсолютно беспринципный — и абсолютно чужой в чересчур сложном мире. Он как будто с лукавым весельем в глазах смотрит на этот мир с выбранного им самим шестка, редко чем-то интересуюсь всерьез. И делает такие удивительные вещи...

Но всегда исключительно забавы ради.

Вэннинг тяжело вздохнул и обвел взглядом лабораторию. Суцая свалка! Как же она шокирует его упорядоченный разум!

Машинально он подобрал с пола мятый рабочий халат и поискал крючок. Конечно, не нашел. Гэллегер, когда у него иссяк запас проводящих металлов, недолго думая, посрывал крючки и вмонтировал их в какое-нибудь устройство.

Этот так называемый ученый уподобился коматознику — лежал не двигаясь, полузакрыв глаза. Вэннинг прошел в угол и отворил дверцу металлического шкафчика. Крючков и там не оказалось, поэтому Вэннинг аккуратно сложил халат и пристроил его на полу шкафчика.

И вернулся на свой насест, то есть на Монстра.

— Хлебнешь? — спросил Гэллегер.

Вэннинг мотнул головой:

— Нет, спасибо. Завтра мне надо быть в суде.

— Так у меня же тиамин есть. Впрочем, это такая дрянь... Мне куда лучше помогают надувные подушки — я ими башку обкладываю.

— Спасибо, не надо.

— Просто навык нужен, — бормотал Гэллегер. — Любой его может приобрести, если захочет... На что это ты пялишься?

— На... шкафчик, — ответил Вэннинг, озадаченно морща лоб. — Что за...

Он встал. Неплотно закрытая дверка распахнулась. Но где же халат, помещенный Вэннингом в это металлическое хранилище? Исчез без следа.

— Это краска, — сонно объяснил Гэллегер. — А может, дело в гамма-частицах, я ими облучил шкафчик. Но все равно он ни на что не годится.

Вэннинг подошел к шкафчику и направил в него свет лампы дневного света. Он ошибся — шкафчик не пустовал. Но вместо халата на дне лежало нечто бледно-зеленого цвета и приблизительно сферической формы.

— Он что, плавит? — спросил Вэннинг, разглядывая шарик.

— Да не сказал бы... Давай-ка, вынь.

Вэннинг не решился сунуть руку в шкафчик. Но и не растерялся: нашел длинный держатель для пробирок и с его помощью извлек ком.

Что происходит?!

Он аж глаза отвел, не в силах смотреть на происходящее. Зеленый шарик менялся в цвете, размере и форме, медленно расползаясь лишненным всякой геометрии пятном. Держатель заметно отяжелел.

Ничего удивительного — его оттягивал рабочий халат.

— Вот так оно и происходит, — рассеянно проговорил Гэллегер. — И этому тоже должна быть причина. Кладешь вещь в шкафчик, она уменьшается. Вынимаешь, и она снова большая. Может, удастся продать какому-нибудь эстрадному фокуснику. — Последнее было сказано с сомнением.

Вэннинг сидел, ощущив халат и таращился на металлический шкафчик. Параллелепипед размерами примерно три на три на пять футов был внутри обрызган из краскопульта серой краской. Снаружи он был черным, лоснящимся.

— На каких принципах он работает?

— Чего? А-а... Не знаю, я просто возился. — Гэллегер качнул в рот коктейля «зомби». — Может, дело в искаженной размерности. Под воздействием гамма-лучей в шкафчике изменились пространственно-временные соотношения. Еще бы понимать, что это означает. — И тихо пробормотал в сторону: — Ну и словечки — жуть от них пробирает.

Вэннингу на ум пришел тессеракт.

— Ты к тому, что внутри он больше, чем снаружи?

— Парадокс, парадокс, ай да чудный парадокс... Я тебе вот что скажу. Сдается, внутренность шкафчика находится вообще не в нашем пространственно-временном континууме. Засунь-ка туда скамейку, увидишь, что будет. — Гэллегер махнул рукой в направлении упомянутого предмета мебели.

— Я и так вижу. Ничего не выйдет: скамейка больше, чем шкафчик.

— Нет, ты все-таки засунь. Помаленьку, начни с угла. Попробуй.

Вэннинг ухватился за скамью. При своем малом росте он был очень мускулист.

— Поставь ее на попа, так легче будет.

— Ладно... Фух... Ну, что теперь?

— Теперь наклони и засовывай.

Вэннинг озадаченно сощурился на собеседника, но затем пожал плечами и подчинился. Скамейка, конечно же, не поместилась в шкафчик. Пролезла только краем и, естественно, уперлась, застряла под косым углом, угрожая рухнуть.

— Ну и?

— Подожди.

Скамья пришла в движение. Она медленно опускалась. С отвисшей от изумления челюстью Вэннинг смотрел, как громоздкая мебель уходит в шкафчик с неспешностью не слишком тяжелого предмета, погружающегося в воду. Нет, ее не засасывало. Она как будто плавилась. Та часть, что снаружи, оставалась прежней, только уменьшалась по длине.

Вэннинг согнулся, чтобы заглянуть внутрь. Опять это рябящее неразличимое пятно. То, что находилось в шкафчике, меняло свои контуры, съеживалось, превращалось в этакую ступенчатую пирамиду густого фиолетового цвета.

И шириной не более четырех дюймов.

— Поверить не могу, — пролепетал Вэннинг.

Гэллегер с ухмылкой изрек:

— Как сказал герцог Веллингтон своему подчиненному: «Это была чертовски маленькая бутылочка, сэр».

— Минутку! Как, дьявол тебя поberi, можно уместить восьмифутовую скамью в пятифутовом шкафчике?

— Скажи спасибо Ньютону, — ответил Гэллегер. — Гравитация... Возьми-ка пробирку, наполни ее водой, и я тебе покажу.

— Ладно, сейчас... Готово. Что дальше?

— Доверху налил? Отлично. Вон в том выдвижном ящике с табличкой «Фитили» ты найдешь кусковой сахар. Положи кусочек на пробирку так, чтобы уголок оказался в воде.

Вэннинг проделал требуемую манипуляцию.

— И?..

— Что видишь?

— Ничего. Сахар намокает... и тает.

— Вот то-то и оно! — с чувством воскликнул Гэллегер.

Вэннинг недоумевающе посмотрел на него и перевел взгляд на пробирку. Кусочек сахара быстро уменьшался, растворяясь.

И вот он исчез.

— Вода и воздух — это разные физические условия. В воздухе кусочек сахара может существовать как кусочек сахара. В воде он существует как раствор. Уголок, погруженный в воду, переходит в жид-

кое состояние. Он изменяется физически, но не химически. Остальное делает гравитация.

— А пояснее нельзя?

— Да куда уж яснее, тупица? Вода — это аналогия с особыми физическими условиями, созданными внутри шкафчика. Вместо сахара — скамейка. А теперь слушай внимательно! Сахар впитывает воду и постепенно растворяется, и по мере растворения гравитация опускает его в пробирку. Понятно?

— Вроде да. Скамейка впитывает в себя... физические условия, которые существуют внутри шкафчика. Так? И эти условия сжимают ее...

— Частично, а не полностью. Понемногу. Ну это как растворять человеческое тело в небольшом объеме серной кислоты. Дюйм за дюймом.

— Ага, — произнес Вэннинг, косясь на шкафчик. — А можно вернуть скамейку?

— Валяй. Просто сунь туда руку и вытащи.

— Сунуть руку? Чтобы она растаяла?

— Не растает. Ты же сам видел: это не мгновенный процесс. Если держать руку внутри меньше минуты, не получишь никакого вреда. Сейчас покажу.

Он неохотно встал, огляделся, взял пустую бутылку и бросил ее в шкафчик.

Действительно, воздействие сказалось не вдруг. Бутылка медленно менялась в размерах и форме, пока не превратилась в параллелепипед с кривыми гранями величиной с кусочек сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Параллелепипед принялся расти. И превратился обратно в бутылку.

— А теперь скамейка. Гляди.

Он извлек пирамидку. Из нее восстановилась скамья.

— Вот видишь? Компания по обслуживанию складов наверняка заинтересуется. В этот шкафчик можно запихать всю мебель Бруклина, вот только как доставать потом? Физические изменения, понимаешь ли...

— Схема размещения нужна, — задумчиво предложил Вэннинг. — Рисуешь вещь, как она выглядит внутри, и отмечаешь, что она собой представляет.

— Юрист всегда юрист, — оценил Гэллегер. — А я хочу выпить. — Он вернулся на диван и мертвой хваткой вцепился в кран алкогольного органа.

— Даю шесть кредитов за шкафчик, — сказал Вэннинг.

— Продано! Все равно он занимает слишком много места. Жалко, не удалось придумать, как поместить его в самого себя. — Ученый захихикал, довольный остроотой. — Смешно, правда?

— Да неужели? — Вэннинг вынул из бумажника банкноты. — Куда положить?

— Запихни в Монстра, это мой банк... Спасибо.

— Пожалуйста. Вот что, объясни-ка мне малость эту тему с сахаром. Ведь не только из-за гравитации он погружается в пробирку. Еще и вода в него впитывается...

— Ты совершенно прав. Осмос! Нет, я глупость сказал. Осмос — это что-то связанное с яйцами. Может, овуляция? Проводимость? Конвекция? Абсорбция! Эх, зря я физику не учил, а то знал бы термины. Дубина стоеросовая, вот я кто. Мне б жениться на дочери бога виноделия... — невнятно закончил Гэллегер и присосался к крану.

— Абсорбция? — Вэннинг наморщил лоб, соображая. — Только тут не сахар впитывает воду... В данном случае твоя скамья впитывает в себя физические условия, существующие в шкафчике.

— Ага... Как губка или промокашка.

— Ты о скамье?

— О себе, — кратко ответил Гэллегер и погрузился в блаженное молчание, время от времени прерываемое бульканьем спиртосодержащей жидкости, поступающей в закаленный пищевод.

Вэннинг вздохнул и повернулся к шкафчику. Аккуратно закрыл дверку на засов, прежде чем поднять попкупу мускулистыми руками.

— Уходишь? Ну пока-пока...

— Спокойной ночи.

— Прощай, мой друг, не забывай... — меланхолично пропел изобретатель и перевернулся на бок, явно вознамерившись уснуть.

Вэннинг снова вздохнул и вышел в прохладную мглу. Небо искрилось звездами; только на юге их скрадывало сияние Нижнего Манхэтгена. Светящиеся белые башни-небоскребы складывались в зубчатый абрис. Авиареклама расхваливала достоинства Вамбулина: «Ничто так не бодрит!»

У тротуара ждал припаркованный спидер. Вэннинг запихнул шкафчик в багажник и направился к Гудзонской водной трассе — кратчайшей дороге до делового центра. Ему вспомнился рассказ Эдгара По об украденном письме, которое не могли найти, потому что похититель вывернул его наизнанку, сложил заново и написал но-

вый адрес. То есть изменил его внешний облик. Ух ты! Да этот шкафчик — идеальный сейф! Никакому медвежатнику его не взломать по абсолютно очевидной причине: он не запирается и не вызывает желания обчистить его. Можно набить этот сейф банкнотами; все они станут неузнаваемыми, как только окажутся внутри. Идеальное хранилище для наличности.

Но как же, черт возьми, эта штука работает?

Пытать Гэллегера бесполезно. Он играет на слух. Для него растущий у реки первоцвет — просто первоцвет, а не примула вульгарис. Ему чужды силлогизмы. К своим открытиям он приходит напрямик, не утруждаясь анализом важных или пустяковых фактов.

Вэннинг напряженно размышлял. Так не бывает, чтобы два предмета одновременно занимали один и тот же объем пространства. Следовательно, в шкафчике содержится какое-то другое пространство...

Но Вэннинг решил не спешить с выводом. Есть другой ответ, правильный. Просто он еще не пришел на ум.

Вэннинг припарковал спидер перед офисным зданием, где арендовал этаж, и понес шкафчик к грузовому лифту.

Но на своем этаже не направился в кабинет — там шкафчик бросался бы в глаза. Нет, Вэннинг поставил его в подсобке, а чтобы частично прикрыть, передвинул каталожное бюро. Ни у кого из клерков не возникнет надобность сюда соваться.

Отступив от шкафчика, Вэннинг задумался. Что, если...

Он не сразу услышал приглушенный звонок. Спихватившись, прошел в кабинет и нажал кнопку на видеофоне Уинчелла. Экран заполнило суровое седобородое лицо барристера Хэттона.

— Привет, — сказал Вэннинг.

Хэттон кивнул:

— Я тебе домой звонил — молчок. Решил, что ты в конторе...

— А я не ждал твоего звонка. Слушание завтра. Поздновато для дискуссий, не находишь?

— «Сыновья Дугана» настояли, чтобы я с тобой поговорил. Я был против.

— Ну и?..

Хэттон сдвинул густые седые брови:

— Ты же понимаешь, что я буду добиваться максимально сурового приговора. Улик против Макильсона предостаточно.

— Это только по твоим словам. Но присвоение чужих финансовых средств доказать нелегко.

— Надеюсь, ты не станешь возражать против скопирования?

— Еще чего! Не позволю колоть моему клиенту сыворотку правды.

— Это настроит против вас присяжных.

— Не настроит, потому что на нашей стороне медицина. Я получил врачебное предположение: скопирование причинит вред здоровью Макильсона.

— Вред — вот правильное слово! — Голос Хэттона зазвучал резко. — Твой клиент причинил вред компании, стянув ее облигации, и я смогу это доказать.

— На круг двадцать пять тысяч кредитов, да? Для «Сыновей Дугана» сумма не пустяковая. А как насчет гипотетической мировой, о которой я упоминал? Предположим, двадцать тысяч будут возвращены...

— Это защищенная линия? Не записывается?

— Само собой. Вот прерыватель. — Вэннинг показал провод с металлическим наконечником. — Все строго *sub rosa*¹.

— Вот и отлично, — ухмыльнулся барристер. — Значит, я могу безбоязненно назвать тебя бездарным пройдохой.

— То есть?

— Твой трюк — старье, проеденное молью. Макильсон умыкнул пять тысяч в облигациях, которые можно продать за деньги. Аудиторы начали проверку, Макильсон кинулся к тебе. Ты ему присоветовал взять еще двадцать тысяч, а теперь предлагаешь вернуть их «Сыновьям Дугана» в обмен на отзыв иска. Потом вы с Макильсоном поделите пять тысяч, а это по нынешним временам не кот начхал.

— Я ничего подобного не признаю.

— Конечно, не признаешь, даже в разговоре по защищенной линии. Но ведь и так все на виду. Я же сказал, это старый фокус. Мои клиенты не станут играть в твои игры. Процесс будет доведен до конца.

— Ты мне позвонил только для того, чтобы это сообщить?

— Нет, надо уладить вопрос насчет присяжных. Надеюсь, ты не возражаешь против скопирования при их отборе?

— Не возражаю, — ответил Вэннинг.

Свою тактику он строил на технических аспектах законодательства, поэтому состав завтрашнего жюри его не интересовал. Если запасные присяжные заседатели пройдут скопирование, шансы уравниются. И при таком соглашении не придется тратить дни, а то и недели, на споры и отводы.

¹ *Букв.: под розой (лат.). Здесь: конфиденциально, между нами.*

— Хорошо, — буркнул Хэттон. — Готовься, я тебя без штанов оставлю.

Вэннинг ответил умеренной непристойностью и отключился.

Надо было сосредоточиться на предстоящей схватке в суде, поэтому он выбросил из головы мысли о покупке. У него еще будет вдоволь времени, чтобы изучить возможности удивительного шкафчика. Вэннинг поехал домой, там велел слуге принести стаканчик виски с содовой и улегся в кровать.

На следующий день он выиграл дело. Ставка на сложную техническую аргументацию и мутные судебные прецеденты оправдала себя. Защита строилась на том факте, что облигации не были конвертированы в государственные кредиты, — Вэннинг это доказал, продемонстрировав мудреные финансовые графики. Конвертация даже пяти тысяч кредитов вызвала бы заметный скачок, а таковых не наблюдалось. Эксперты из конторы Вэннинга умели докапываться до самых мельчайших деталей.

Для установления вины Макильсона необходимо было доказать, прямо или косвенно, что облигации существуют с двадцатого декабря этого года, то есть с того дня, когда они были учтены в последний раз. Прецедентом служило дело «Донован против Джонса».

Хэттон взвился на ноги:

— Ваша честь, Джонс позднее признался в присвоении чужих средств!

— Что не повлияло на принятое судом решение, — невозмутимо парировал Вэннинг. — В данном случае закон обратной силы не имеет. Присяжные вынесли вердикт «не доказано».

— Адвокат защиты, продолжайте.

И адвокат защиты продолжил строить красивую и хитроумную конструкцию из казуистической логики.

— Ваша честь! — не вытерпел Хэттон. — Я не...

— Если мой многоопытный оппонент продемонстрирует облигацию — всего одну из тех, о которых идет речь, — я признаю поражение, — заявил Вэннинг.

На лице у судьи заиграла саркастическая ухмылка.

— Прелестно! Если эта улика будет предъявлена, я немедленно вынесу приговор и обвиняемый отправится в тюрьму. Уж вам ли этого не понимать, мистер Вэннинг? Продолжайте.

— Благодарю. Поскольку облигаций мы не видим, я берусь утверждать, что они не существуют. Их якобы существование — результат ошибки, допущенной клерком при учете.

— Ошибка клерка? Это с калькулятором Педерсона?

— Подобного рода ошибки случались, и я могу это доказать. Ваша честь, разрешите пригласить следующего моего свидетеля.

Возражений не последовало, и свидетель, техник-математик, объяснил, по каким причинам может сбиться калькулятор Педерсона, и привел примеры.

К одному из доводов Хэттон придрался:

— Ваша честь, я протестую! Как известно всем, в Родезии находится определенного рода важная экспериментальная промышленность. Свидетель почему-то не счел нужным упомянуть о том, чем занимается конкретно эта родезийская фабрика. Надеюсь, защита не станет оспаривать тот факт, что «Объединенная компания Гендерсона» в основном имеет дело с радиоактивными рудами?

— Свидетель, ответьте.

— Не могу, ваша честь. У меня нет таких сведений.

— Красноречивое упущение, — хмыкнул Хэттон. — Калькулятор Педерсона — деликатный механизм, радиация для него опасна. Но в офисах «Сыновей Дугана» нет ни радия, ни продуктов его распада.

Вэннинг встал:

— Могу я спросить, не подвергались ли недавно эти офисы фумигации?

— Подвергались. Этого требует закон.

— Надо полагать, применялся хлорсодержащий газ?

— Да.

— Я бы хотел вызвать моего следующего свидетеля.

Следующий свидетель, физик, сотрудник Ультрарадиевого института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы способны поглощать продукты распада радия и в свою очередь излучать. Некоторые клиенты «Сыновей Дугана» контактировали с источниками радиации...

— Ваша честь, это возмутительно! Теоретизирование чистой воды...

Вэннинг притворился оскорбленным.

— Приведу в качестве примера дело «Денджерфилд против „Южнопродуктов“», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Закон гласит, что фактор неопределенности является первичным допустимым доказательством. Мой довод прост: калькулятор Педерсона, на котором считались облигации, способен ошибаться. Если это правда, то облигаций не было и мой клиент невиновен.

— Адвокат обвинения, вам слово, — произнес судья, жалея, что он не барон Джеффрис¹ и не может всю эту чертову свору негодяев отправить на эшафот.

Юриспруденция должна бороться за справедливость, а она превратилась в трехмерные шахматы. Впрочем, это естественное развитие усложнившихся политических и экономических факторов современной цивилизации. И уже понятно, что Вэннинг выиграет процесс.

Так и случилось. Присяжные приняли решение в пользу Макильсона. Хэттон поднял вопрос о скопировании, но это уже было актом отчаяния; ему отказали. Вэннинг подмигнул сопернику, защелкнул брифкейс и отправился в контору.

В полпятого начались неприятности. Секретарша сообщила о прибытии мистера Макильсона, а в следующий миг ее отпихнул в сторону худой смуглый мужчина средних лет, державший в охапке гигантский чемодан из искусственной замши.

— Вэннинг! Я к вам...

Адвокат недобро сощурился, встал из-за стола и резким кивком отослал секретаршу. Как только за ней закрылась дверь, Вэннинг отрывисто заговорил:

— Ты с ума сошел?! Я же велел держаться от меня подальше. Что в чемодане?

— Облигации, — ответил Макильсон дрогнувшим голосом. — Что-то пошло не так...

— Проклятый болван! Притащить сюда облигации... — Вэннинг подскочил к двери, запер ее. — Неужели не понимаешь, что, если Хэттон доберется до этих бумаг, ты мигом вернешься в кутузку? А я лишусь лицензии! Проваливай вместе с чемоданом.

— Выслушай меня! Пожалуйста! Я, как ты и сказал, понес облигации в Финансовое управление, а там... а там был полицейский, меня поджидал. Хорошо, что я его вовремя заметил. Если бы попался...

Вэннинг глубоко вздохнул:

— Прежде чем идти в Финансовое управление, ты должен был два месяца продержаться облигации в метро, в камере хранения.

Макильсон вытянул из кармана газету.

¹ *Джордж Джеффрис, барон Уэмский* (1645–1689) — английский государственный деятель, судья, прозванный Судьей-Вешателем за свою роль в суде над участниками восстания Монмута.

— Так ведь правительство замораживает акции и облигации рудодобывающих компаний. Постановление вступит в действие через неделю. А когда это прекратится, неизвестно. Не могу же я сидеть без денег целую вечность.

— Дай взглянуть. — Вэннинг изучил газету и тихо выругался. — Где ты ее взял?

— Купил у мальчишки возле тюрьмы. Хотел узнать котировки рудных акций...

— Так-так. Понятно. И не было ни тени сомнения, что эта газета не фальшивка?

У Макильсона отпала челюсть.

— Фальшивка?

— Вот именно. Хэттон предвидел, что я тебя выручу, и заранее припас газетку. А ты клонул. И притащил сюда улику, и привел за собой полицию.

— Н-но...

Вэннинг поморщился:

— Как думаешь, почему в Финансовом управлении оказался полицейский? Тебя могли сцапать в любую минуту. Но нужно было не сцапать, а напугать, чтобы ты кинулся ко мне в контору, — и обоих поймать на один крючок. Тебе — срок, мне — лишение адвокатского звания. Чертов идиот!

Макильсон облизал губы.

— А тут есть запасной выход?

— Есть! И за ним наверняка ждет засада. Проклятие! Не будь еще глупее, чем выглядишь.

— А ты можешь... спрятать?

— Где? Они всю контору просветят рентгеновскими лучами. Нет, я просто... — Вэннинг осекся. — Говоришь, спрятать? Спрятать... — Он круто повернулся к селектору. — Мисс Хортон? У меня совещание. Не беспокоить ни по какому поводу. Если вам кто-нибудь предъявит ордер на обыск, созвонитесь с полицейским управлением и убедитесь в подлинности. Вы меня поняли?

На лице Макильсона отразилась надежда.

— Все уладится?

— Ой да заткнись ты! — рявкнул Вэннинг. — Жди здесь, я сейчас вернусь.

Он скрылся за боковой дверью. На диво скоро вернулся, неуклюже затаскивая в кабинет металлический шкафчик.

— Помоги... Фу-ух... Вон туда, в тот угол. А теперь убирайся.

— Но...

— Живо! — приказал Вэннинг. — У меня все под контролем. И не болтай. Тебя арестуют, но без вешдока долго не продержат. Как только отпустят, возвращайся.

Он отпер дверь, вытолкнул Макильсона за порог и снова заперся. Подошел к шкафчику, заглянул внутрь. Пусто. Как и должно быть.

Теперь облигации...

Вэннинг запахал чемодан из искусственной замши. Пришлось повозиться — тот был шире, чем шкафчик. Наконец адвокат смог отдышаться, глядя, как коричневая штукавина съеживается, меняет контуры до неузнаваемости. И вот она уже совсем крошечная, приобрела продолговатую форму яйца и цвет медной центовой монеты.

— Вуаля! — хмыкнул Вэннинг.

И склонился, всматриваясь. В шкафчике что-то двигалось. Нечто гротескное, величиной не больше четырех дюймов. Очень странное на вид, сплошь кубики и уголки, цвета ярко-зеленого и... явно живое.

В дверь кабинета постучали.

Крошечная тварь деловито возилась с медным яйцом. В чисто муравьиной манере подняло его и попыталось утащить. Вэннинг ахнул и сунул руку в шкафчик. Четырехмерной тварюшке не хватило проворства увернуться. Вэннинг ощутил, как она корчится под ладонью.

Он стиснул добычу в кулаке.

Шевеление прекратилось. Вэннинг отпустил убитую тварь и сразу убрал руку.

Дверь затряслась под градом ударов. Вэннинг закрыл шкафчик и выкрикнул:

— Минуту!

— Ломайте! — прозвучал приказ за дверью.

Но это не понадобилось. Вэннинг натянул на лицо виноватую улыбку и провернул ключ.

За порогом стоял барристер Хэттон в сопровождении крижистых полицейских.

— Мы взяли Макильсона, — сообщил он.

— Вот как? А за что?

Вместо ответа Хэттон дернул головой. Полицейские приступили к обыску. Вэннинг пожал плечами.

— Перегибаете палку, — сказал он. — Вламываетесь, руетесь...

— У нас есть ордер.

— Что ищете?

— Конечно облигации, — устало ответил Хэттон. — Не знаю, куда ты засунул чемодан, но мы его найдем.

— Что за чемодан? — поинтересовался Вэннинг.

— Тот, который принес сюда Макильсон. Когда выходил, чемодана при нем не было.

— Игра закончена, — печально проговорил Вэннинг. — Вы победили.

— То есть?

— Если я признаюсь, куда дел чемодан, замолвите за меня на суде словечко?

— Э-э... да. И где же он?

— Я его съел, — ответил Вэннинг и улегся на диван, давая понять, что намерен вздремнуть.

Хэттон долго не сводил с него ненавидящего взгляда. Полицейские рылись в конторе. Внутренность шкафчика они удостоили лишь беглым взглядом. Стены, пол, потолок, мебель были просвечены рентгеном, но это ничего не дало. Вэннинг поаплодировал напрасным усилиям копов.

Хэттон в конце концов сдался. Ничего другого ему не оставалось.

— Завтра подам на тебя иск, — пообещал Вэннинг. — А еще жалобу на произвольное задержание Макильсона.

— Иди к черту! — прорычал Хэттон.

— Пока-пока.

Вэннинг дождался ухода незваных гостей. Затем, хихикая, отворил дверцу шкафчика.

Медного цвета яйцо, в которое превратился замшевый чемодан, исчезло. Вэннинг пошарил внутри и ничего не обнаружил.

До него не сразу дошел смысл случившегося. Он развернул шкафчик к окну и заглянул снова — с тем же результатом.

Пропали двадцать пять тысяч кредитов в ликвидных рудных облигациях.

Вэннинг вспотел. Он поднял металлический ящик, потряс. Не помогло. Он перетащил шкафчик в другой угол и вернулся, чтобы со всей тщательностью изучить пол.

Может, Хэттон стянул?

Нет. Вэннинг ни на миг не упустил шкафчик из вида за все время обыска. Полицейский распахнул дверцу, заглянул и снова закрыл. С того момента к ней никто не притрагивался.

А облигаций нет.

Как и раздавленной Вэннингом загадочной мелкой твари.

И что же все это значит?

Вэннинг запер шкафчик на задвижку. Опять открыл, не надеясь, что внутри появится медного цвета яйцо.

Оно и не появилось.

Шатаясь, Вэннинг подошел к видеофону и позвонил Гэллегеру.

— А?.. Че?.. Ага... Чего тебе? — Появившееся на экране худое лицо выглядело неважно. — У меня похмелье. А тиамин принять не могу — аллергия. Ну ты как, выиграл?

— Послушай, — нервно заговорил Вэннинг, — я кое-что положил в твой чертов ящик — и будто корова языком слизнула.

— Корова? Ящик? Смешно.

— Да не ящик, а то, что было внутри... Чемодан.

Он задумчиво покачал головой:

— Непонятно, да? Помнится, однажды я сделал...

— Давай без воспоминаний! Я хочу вернуть чемодан!

— Семейная ценность? — предположил Гэллегер.

— Нет. Там деньги.

— Не глупо ли, Вэннинг? С сорок девятого ни один банк не лопнул. Вот уж не думал, что ты такой скряга. Любишь, когда денежки рядом, когда можно пропускать их сквозь твои тонкие, как птичьи коготки, пальчики?

— Да ты опять надрался.

— Я пытаюсь, — возразил Гэллегер, — но вечно что-нибудь мешает. Отнимает время. Вот, к примеру, этот твой звонок обойдется мне в две с половиной пропущенные порции. Надо удлинить шланг, чтобы можно было болтать по «Уинчеллу» и при этом употреблять.

Вэннинг едва разборчиво затараторил в микрофон:

— Чемодан! Что с ним случилось? Как его вернуть?

— А при чем тут я? У меня твоего чемодана нет.

— Можешь узнать, где он?

— Ну... Расскажи во всех подробностях, посмотрю, что можно сделать.

Вэннинг подчинился, хоть и подкорректировал историю, как того требовала осторожность.

— Ладно, — весьма неохотно сказал наконец Гэллегер. — Ненавижу придумывать версии, но разве что в порядке услуги... Эта обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

— Чего?! Ты спятил?

— Пятьдесят, — не дрогнул Гэллегер. — Или никаких версий.

— А где гарантия, что ты вернешь мне чемодан?

— Гарантии нет. Но, возможно, есть шанс... Мне надо сходить в «Механистру», воспользоваться тамошними машинами. Это неде-

шево, но без калькуляторов мощностью в сорок мозгов мне не обойтись...

— Хорошо, согласен, — прорычал Вэннинг. — Приступай. Мне позарез нужен этот чемодан.

— Знаешь, меня всерьез заинтересовал жучок, которого ты раздавил. Сказать по правде, только из-за него я и берусь за твою задачу. Жизнь в четвертом измерении...

Гэллегер отошел, бормоча. Не дождавшись, когда лицо изобретателя снова появится на экране, Вэннинг отключился.

Он заново исследовал шкафчик и не обнаружил ничего нового. Куда же запропастился чертов чемодан из искусственной замши?

Погруженный в печальные думы, Вэннинг натянул пальто и отправился ужинать в «Манхэттен руф». Ему было ужасно жалко себя.

На следующий день думы стали еще печальнее. Гэллегер не отвечал на звонки, так что Вэннингу пришлось томиться ожиданием. В середине дня в контору явился Макильсон.

— Ты смог меня вытащить из кутузки, — начал он с порога, — и что теперь? Здесь найдется выпивка?

— Тебе не нужна выпивка, — проворчал Вэннинг. — И так уже нализался, еле на ногах стоишь. Катись во Флориду и жди, когда все уляжется.

— Осточертело ждать. Лучше махну в Южную Америку. Но для этого нужны денежки.

— Дождись, когда я обналичу облигации.

— Я возьму облигации. Ровно половину, как договаривались.

Вэннинг зло сощурился:

— И снова окажешься у полиции в лапах. Без вариантов.

Макильсон занервничал еще пуще:

— Спорить не стану, я сваял дурака. Но в этот раз будет иначе, комар носу не подточит.

— То есть ты подождешь?

— У меня есть приятель, летчик. Его вертолет сейчас на крыше, на парковке. Я поднимусь, отдам ему облигации и смоюсь. Полиция ничего на меня не накопает.

— А я говорю — нет, — твердо произнес Вэннинг. — Слишком опасно.

— Опасно, пока облигации здесь. Если их найдут...

— Не найдут.

— Где же ты их прячешь?

— Тебя не касается.

Макильсон недобро посмотрел на адвоката:

— Пусть так. Но облигации где-то здесь. Ты не мог их вынести до прихода копов. Не стоит слишком испытывать удачу. Они просвечивали рентгеном?

— Конечно.

— Я слышал, барристер Хэттон нанял ораву экспертов, чтобы они изучили чертежи этого здания. Твою нычку найдут. Я хочу убраться отсюда до того, как это случится.

Вэннинг помахал ладонью:

— Не истери. Я же тебя выручил, скажешь, нет? Хотя ты едва не запарол все дело.

— Это так, — признал Макильсон, оттянув пальцами нижнюю губу. — Но я... — Он скусил ноготь. — Да черт бы тебя побрал! Я сижу на кромке вулкана, а ее подо мной точат термиты. Я не могу торчать тут и ждать, когда полиция разыщет облигации. Из Южной Америки нет экстрадиции, а значит, мне надо поскорей оказаться там.

— Тебе нужно ждать, — сурово повторил Вэннинг. — Это твой единственный шанс.

В руке у Макильсона вдруг оказался пистолет.

— Ты отдашь мне половину облигаций. Прямо сейчас. Я ни на грош тебе не верю. Облапошить меня решил? Выкладывай облигации!

— Нет, — ответил Вэннинг.

— Я не шучу.

— Знаю. Но я не могу отдать облигации сейчас.

— Да? А почему?

— Слышал когда-нибудь о временном замке? — спросил Вэннинг, чутко следя за движениями собеседника. — Ты прав насчет того, что я положил чемодан в секретный сейф. Но его можно открыть только через определенное число часов.

— Мм... — задумчиво протянул Макильсон. — А когда?

— Завтра.

— Ладно. Завтра ты отдашь облигации?

— Раз уж настаиваешь. Но все-таки советую передумать. Так будет безопаснее.

Вместо ответа Макильсон лишь ухмыльнулся, оглянувшись по пути к выходу.

Вэннинг долго сидел в полной неподвижности. Его пробирал нешуточный страх.

У Макильсона маниакально-депрессивный психоз. Этот тип и впрямь способен убить. Он сейчас на грани срыва, спасение видит в отчаянном бегстве.

Что ж, надо принять меры предосторожности.

Вэннинг снова позвонил Гэллегеру и снова не получил ответа. Он оставил сообщение на автоответчике и на всякий случай еще раз заглянул в шкафчик. Тот оказался обескураживающе пуст.

Вечером Гэллегер позвал Вэннинга к себе в лабораторию. Изобретатель выглядел усталым и нетрезвым. Он махнул рукой в сторону стола, заваленного обрывками бумаги.

— Ну и задал ты мне задачку! Сказать по правде, вряд ли бы я рискнул за нее взяться, если бы знал, на каких принципах работает штуковина. Садись. Плесни себе чего-нибудь. Принес пятьдесят кредитов?

Вэннинг молча достал банкноты и запихал их в «Монстра».

— Отлично. А теперь... — Он уселся на диван. — А теперь приступим. Вопрос на пятьдесят кредитов.

— Я получу назад чемодан?

— Нет, — сухо ответил Гэллегер. — По крайней мере, пока я не пойму, как все работает. Это, знаешь ли, другой пространственно-временной сектор.

— Нельзя ли попроще?

— Проще: шкафчик действует как телескоп, но приближает не только визуально. Полагаю, шкафчик — своего рода окно. В него можно смотреть, а еще можно просунуть руку. Окно, открытое в сейчас плюс икс.

— Ты так ничего и не объяснил, — поморщился Вэннинг.

— Все, чем я пока располагаю, это версия. Послушай, что я скажу. Я изначально ошибался. Вещи, которые попадают в шкафчик, не появляются в другом пространстве, поскольку действует пространственная константа. Я имею в виду, что меньше они не становятся. Размер есть размер. Перемещение кубика с ребром в один дюйм на Марс не увеличит кубик и не сократит.

— А как насчет иной плотности в окружающей среде? Она не может раздавить предмет?

— Может, и он останется раздавленным. Будучи извлечен из шкафчика, не обретет прежних размеров и формы. Икс плюс игрек никогда не равно икс умножить на игрек.

СОДЕРЖАНИЕ

Хроносейф. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	5
Этот мир — мой! Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	29
Робот-зазнайка. Рассказ. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	63
Гэллегер-Штрих. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	100
Ех machina. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	142
С приветом, автор. Рассказ. <i>Перевод А. Полошака</i>	176
Твонки. Рассказ. <i>Перевод А. Килановой</i>	212
Лучшее время года. Повесть. <i>Перевод В. Скороденко</i>	234
De Profundis. Рассказ. <i>Перевод Н. Берденникова</i>	281
Порочный круг. Рассказ. <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	291
Жил-был гном. Рассказ. <i>Перевод Г. Л. Олди</i>	306
Сим удостоверяется... Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	327
«Все тенали бороговы...» Рассказ. <i>Перевод Л. Черняховской</i>	341
Большая Ночь. Рассказ. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	367
Только не смотрите! Рассказ. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	399
Нет больше той любви. Рассказ. <i>Перевод А. Полошака</i>	414
Алмазная свинка. Рассказ. <i>Перевод А. Третьякова</i>	454
Не сегодня, так завтра. Рассказ. <i>Перевод И. Тетериной</i>	487
Жилищная проблема. Рассказ. <i>Перевод А. Глебовской</i>	503
Невероятная догадка. Рассказ. <i>Перевод Б. Жужунавы</i>	518
Соглядатай. Рассказ. <i>Перевод А. Полошака</i>	529
Нимб. Рассказ. <i>Перевод В. Баканова</i>	558
Железный стандарт. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	575
Пленник разума. Рассказ. <i>Перевод О. Зверевой</i>	606
Мокрая магия. Повесть. <i>Перевод Н. Берденникова</i>	644

СОДЕРЖАНИЕ

Андроид. Рассказ. <i>Перевод О. Зверевой</i>	699
Хеппи-энд. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	730
И вечность впереди... Рассказ. <i>Перевод О. Зверевой</i>	749
Ярость. Роман. <i>Перевод Г. Л. Олди</i>	770